

НАУЧНЫЕ ЭССЕ И ОПЫТ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Л.И. Медведко

Глобализация versus глобализм. Триединая безопасность России

Глобализация и глобализм сравнительно недавно воспринимались как слова синонимы. В последнее время эти понятия стали выступать как антиподы и в политике, и в геостратегии. Такое расхождение стало проявляться в первое же десятилетие XXI века с объявлением Вашингтоном после 11 сентября 2001 г. «глобальной антитеррористической войны» (ГАТВ). Очередная годовщина трагедии «9/11» совпала с саммитом АТЭС во Владивостоке, что дало президенту США Бараку Обаме повод не присутствовать на саммите. Но это вряд ли, как и президентские выборы, оправдывает игнорирование им саммита АТЭС (Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества), который проходил 2–9 сентября во Владивостоке, на острове Русском. Те дни, можно считать, были не просто историческими, но и в высшей степени знаменательными. Ибо саммит проходил, во-первых, в период, когда в России так же, как и в Америке, отмечалось окончание Второй мировой войны. В геостратегической парадигме переломом в ее победном для союзников исходе стала происходившая 70 лет назад Сталинградская битва. Так что проходивший в сентябре на Дальнем Востоке саммит АТЭС имел как свои геоисторические, так и новые геополитические измерения.

Для России Азиатско-Тихоокеанский регион с незавершенной там формально войной и «отложенными» конфликтами остается столь же близким, как Средиземноморье и Ближний Восток. Отложенные и нерешенные территориальные споры и конфликты (между Россией и Японией из-за Курил), КНР и Японией, Кореей и Китаем в Восточно-Китайском море дают о себе знать, как и затянувшийся ближневосточный конфликт, и война в Афганистане и Ираке, а затем в Ливии и теперь в Сирии.

Взаимосвязанная взаимоуязвимость

Глобальное противостояние Востока–Запада исторически существовало в течение всего XX столетия. Борьба с глобализмом велась за выживание наций и народов в конфликтах и войнах против гегемонизма колониальных и постколониальных держав. Наиболее отчетливо это прослеживается в странах Ближнего и Среднего Востока. Когда теперь в лексикон политологов вошла дефиниция «Большого Ближнего Востока» (ББВ), то под ним обычно имеют в виду не только Ближний и Средний Восток, но еще

и Черноморско-Каспийский регион с Центральной Азией. Вооруженные конфликты и войны на ББВ с постоянной регулярностью чередуются с кризисными потрясениями глобального масштаба. В нынешнем столетии борьбу с гегемонизмом справедливо отождествляют с сопротивлением глобализму, имея в виду прежде всего сопротивление и противостояние глобальной экспансии США и их союзников, к Западу и Востоку от Босфора.

В то же время аналитики не только на Западе, но порой и в России предсказывают, что в условиях глобальных кризисов и потрясений конфликты на Ближнем Востоке могут показаться некими «междусобойчиками» в сравнении с последствиями от отложенных территориальных споров и конфликтов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Понятия глобализации и глобализма в глазах радикальных антиглобалистов на Западе и исламистов на Востоке по-прежнему продолжают отождествляться. Ситуация в ББВ показывает, что это далеко не одно и то же. Глобализация и глобализм на близком для России «Востоко–Западе» выступают не столько в сопряженной связке, которая по латыни обозначается *versus*, сколько в их противопоставлении — по латыни *contreversus*.

Объявленную Вашингтоном «глобальную войну» антитеррора против террора не удалось ограничить проведением двух последовавших за этим операций «Несокрушимая свобода» в Афганистане и «Шок и трепет» в Ираке. Они после официального объявления об их завершении продолжают как затяжная война «антитеррористического террора» в Палестине и Израиле, а теперь и по соседству с ними в Сирии. Конца этим войнам пока не видно. Людские потери от американо-натовских войск в АфПаке и Ираке превзошли число жертв катастрофы 9 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. Масштабы людских потерь, и особенно жертв среди мирного населения в «горячих точках» ББВ (в Палестине-Израиле, Сирии, а до этого в Ливии), уже приблизились к потерям в восьмилетней войне Ирака и Ирана (1980–1988). Расходы на ведение этих операций уже выражаются в триллионах долларов. Для сравнения, цена Второй мировой войны для США авторами Харперской энциклопедии «Всемирной истории войн» определялась (по курсу того времени) в 350 миллионов долларов. Общая численность войск США, задействованных в горячих точках ББВ, становится сопоставимой с числом американских

солдат — 350 тысяч, воевавших на полях сражений Второй мировой войны¹.

Волны террора все больше захлестывают весь мир. Москва одна из первых предложила свою поддержку Вашингтону после объявления им «глобальной войны» против террора. По подсчету военных экспертов, делавшемуся к десятилетию терактов «9/11», война с терроризмом обошлась Америке в 3,3 трлн. долларов. Из них на военные действия только в Афганистане и Ираке израсходовано более половины этой суммы.

Общие расходы в мире на борьбу с терроризмом, который с успехом использует свое ОМУ (террор как «оружие массового устрашения»), за прошедшие годы никто еще не подсчитал. Образ жизни людей за это время на всей планете изменился до неузнаваемости. Все уже привыкли к досмотрам в аэропортах, на железнодорожных вокзалах и даже при проведении концертов Олимпийских игр, будь то в Пекине или Лондоне.

Военно-политическая обстановка на Большом Ближнем Востоке продолжает обостряться. Не прекращаются вооруженные столкновения и теракты в Афганистане и Ираке. Новые вспышки насилия в секторе Газа и в Восточном Иерусалиме, вооруженный конфликт между Израилем и палестинской ХАМАС поставили под угрозу срыва израильско-палестинский диалог. Заметно активизировалась диверсионная деятельность талибов в АфПаке, «Аль-Каиды» в Йемене и в Северной Африке.

Не ослабевает острота и «ядерного кризиса» вокруг Ирана. Все это превращает регион ББВ в расширенную арену «глобальной войны» террора-анти-террора. Глобализация с глобализмом продолжают совместно преподносить здесь гораздо больше неприятных сюрпризов, чем поощряемых «призов», вроде присуждения авансом Нобелевской премии мира президенту США Б. Обаме за благие намерения сделать «мир без войны, свободным от ядерного оружия». Вряд ли эту премию Обаме удастся оправдать и после избрания на второй президентский срок.

Нынешний глобальный кризис на фоне незавершенных войн в Афганистане и Ираке, развивающегося ядерного кризиса вокруг Ирана может стать катализатором распада и единственного глобального военно-политического блока НАТО (Организации Северо-Атлантического договора). Наверное, только время покажет, придет ли на смену стратегии американо-натовского глобализма «многополюсное мироустройство» в глобальном масштабе.

Примечательно, что президент Казахстана Нурсултан Назарбаев — глава государства, находящегося, как и Россия, на стыке Европы и Азии, — четыре года назад охарактеризовал создавшееся положение как «общесовременный кризис». В своей статье

«Пятый путь» в газете «Известия» он отмечал, что в нем «одновременно проявляются признаки ряда давно назревших кризисов — производственного, энергетического, экологического, продовольственного, социального и даже военно-политического»². Это дает также основание для определения его как глобального кризиса, развивающегося, по меньшей мере, в трех сферах — экономике, политике и безопасности. Глобальные угрозы, порождаемые этим кризисом, определяют и определенные условия выработки адекватных ответов. Американский глобализм становится при этом не меньшим препятствием на пути развития процесса глобализации, чем сам международный терроризм, которому объявлена глобальная война.

Этот процесс развивается, как предпочитают говорить в Китае, при «двухколейном пути социально-экономического развития». При этом в КНР по-прежнему убеждены, что «ветер с Востока» в конечном итоге осилит «ветры с Запада».

Оптимистическая трагедия «альтернативной истории»

Исторический парадокс «оптимистического трагизма» в XX столетии проявился в том, что катастрофическому сценарию «альтернативной истории» помешала «глобализация» Второй мировой войны после того, как в нее почти одновременно были втянуты СССР и США. Альтернативные сценарии послевоенной истории могли бы складываться тоже совсем по-иному, не будь «интернациональной» солидарности Советского Союза, оказывавшего решающую поддержку антиколониальным и освободительным движениям и революциям, как, например, в Китае, Вьетнаме, на Кубе, в арабских и ряде других афро-азиатских стран.

Мировое сообщество с трудом поспевает теперь следить за современными процессами многоуровневой глобализации и порождаемых ею кризисов. Это касается как нынешнего обвального хода событий, так и оценок отмечаемых ныне знаменательных годовщин и исторических дат недавнего прошлого. Ни политики, ни политологи, ни мировое научное сообщество далеко не всегда поспевают за событиями. К примеру, авторы вышедшего Международного энциклопедического словаря «Глобалистика» (М., 2006), в котором участвовало более 650 ученых из 58 стран, не смогли спрогнозировать надвигающийся уже тогда глобальный кризис. Хотя в словнике Энциклопедии различным процессам глобализации посвящено более полусотни статей — ни в одной из них не было упоминания о надвигающемся экономическом, тем более, общесистемном и общесовременном кризисе.

Глобальный кризис обозначил обратную цикличность в прежней сменяемости кризисов и войн.

¹ Дюпон Э., Дюпон Т. «Всемирная история войн». Т.4. СПб, с. 479.

² Нурсултан Назарбаев. Пятый путь. — Известия, 22.09.09.

Можно еще раз напомнить, что во Вторую мировую войну, последовавшую за Великой депрессией в Америке, оказались втянутыми СССР/Россия и США почти одновременно. Нынешний глобальный кризис стал продолжением ГАТВ и незавершенных на Востоке войн «неведомого поколения» с неизвестным исходом.

Окончание Второй мировой войны в Вашингтоне как бы совместили с начавшейся уже тогда Холодной войной. По определению авторов той же Харперской Энциклопедии «Всемирной истории войн», после применения в ней атомного оружия наступила «ядерная эпоха» двух сверхдержав³. С расширением «ядерного клуба» и присоединением к его пяти легальным членам еще четырех «нелегалов» наступила «ядерная эпоха» уже для всего многополюсного глобализирующегося мира.

Политика и экономика сами выступают в глобальном кризисе как продолжение сразу нескольких незавершенных или «прерванных» войн на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Россия опять оказывается вовлеченной в «глобальную войну», на этот раз почти одновременно извне и изнутри.

Вспоминается, как за год до начала глобального кризиса (2008–2009) президент России Владимир Путин встретился с группой молодых писателей. В беседе с ними он так часто произносил слово «конкуренция», что одному молодому писателю приснилось, будто «мировая война конкуренций» уже началась. Нынешний глобальный кризис синтезировал в себе конкурентные войны не только в экономике, но также в политике, идеологии и военной сфере. Войны «неведомого поколения» ведутся уже на многих фронтах с переменными «победами-поражениями».

Остается только благодарить Бога, что в военной сфере они ведутся без применения ядерного оружия, относимого к «оружию пятого поколения». Когда порой возникают споры о правомочности Израиля, Пакистана и Индии или Северной Кореи с Ираном иметь свое ядерное оружие, далеко не теоретически встает вопрос, насколько каждый из них и других желающих вступить в «ядерный клуб» созрел до необходимого уровня моральной ответственности, чтобы использовать это оружие как средство сдерживания от самоубийственной войны. Приходится отдать должное Вашингтону и Москве — будь то демократам и республиканцам в Белом доме или герантократам в Кремле, — что у них в свое время хватило сдержанности или простого инстинкта самосохранения, чтобы избежать глобальной катастрофы.

Императивы триединой безопасности

В условиях новых вызовов и угроз странам ОДКБ (Организации Договора о коллективной безопасности) и ШОС (Шанхайской организации сотрудни-

чества) приходится по-новому оценивать складывающуюся в мире ситуацию и соответственно на нее реагировать. Это объясняет, наверное, и причины присоединения к ШОС пока лишь в роли «партнеров» не только азиатской Шри-Ланки, но и европейской Белоруссии. Установленное Минском «партнерство» с ШОС значительно усиливает и роль Союзного государства Россия и Белоруссии как связующего звена между Центральной Европой и образовавшейся после распада СССР Центральной Евразией. В новую геополитическую структуру Центральной Евразии входят также Центральный (Южный) Кавказ и Центральная Азия с Казахстаном. Уникальное положение России при этом состоит в том, что она единственная Евразийская держава, которая имеет общие сухопутные границы со странами, с которыми состоит в партнерстве как в Европе, так и Азии.

Вместе с другими странами ОДКБ и ШОС ей приходится одной из первых вносить корректировки в свои военные доктрины, уточняя заключенные ранее соглашения и договора о совместной обороне с другими государствами.

Глобальный общесистемный кризис поднял вместе с АТЭС и Шанхайскую организацию сотрудничества до уровня решения новых мировых проблем. Собравшийся в Пекине в год празднования 60-летия КНР в 2009 г. Совет глав правительств стран ШОС был особенно знаменательным. В центре его внимания находилась выработка общей стратегии в преодолении глобального финансово-экономического кризиса. Пожалуй, наиболее важным принятым на той встрече решением было создание Межбанковского объединения ШОС и единого инвестиционного фонда. Премьер-министр В.В. Путин, подводя тогда итоги своего визита в КНР, особо отмечал, что сотрудничество с Китаем в рамках ШОС становится подлинно стратегическим. Основываясь на взаимном доверии, ШОС становится «реально признаваемым в мире фактором глобальной безопасности и экономического взаимодействия»⁴.

Глобализм и регионализация без границ

Вспыхнувшая в августе 2008 г. война на Кавказе представлялась Западу в его давнишней «Большой игре» против России как повод не только для наращивания военного присутствия НАТО в Грузии. Весьма заманчивой представлялась для США перспектива обеспечить периодическое появление американского флота на Черном море. Это позволило бы ускорить создание кольца американо-натовских баз и передовых позиций ПРО (противоракетной обороны) на встречах курсах «расширения» БВВ и Северо-Атлантического альянса, без формального вступления в последний Грузии, Азербайджана, а в будущем, возможно, Молдавии и Узбекистана. Факт признания Россией Южной Осетии и Абхазии остав-

³ The Encyclopedia Harper of Military History, 4th edition. Всемирная история войн, т. 4. СПб, 1998, с. 478–479.

⁴ www.rg.ru 15.10.09

ляет пока открытым вопрос об их будущем статусе. Это не должно, однако, исключать возможного их присоединения в будущем к ОДКБ или ШОС.

На первый план в порядке приоритетов новой Стратегии национальной безопасности РФ в связи с этим становились проблемы обеспечения взаимосвязанных между собой общеевропейской и евразийской безопасности. Но в ней не может игнорироваться и отстаивание суверенитета новых кавказских государств в случае продолжающихся провокаций и посягательств на их суверенитет со стороны Грузии при поддержке или поощрении со стороны американо-натовских глобалистов.

После принятия обязательств по заключенным договорам о дружбе и сотрудничестве с новыми независимыми государствами на Кавказе концепция военной (оборонной) стратегии России будет оставаться «триединой» — с включением в нее национальной (с приоритетом защиты прав каждого гражданина и общества в целом), федеральной (государственной) целостности, а также геополитической (внешней и внутренней) безопасности Российской Федерации. Такая триада способна будет гарантировать защиту наших национальных интересов и интересов тех государств, с которыми Россия связана договорными обязательствами. Геополитическая безопасность сможет более эффективно обеспечиваться обновленной стратегической триадой ракетно-ядерного сдерживания наземных, морских и воздушно-космических сил. Она должна включать комплекс мер по военно-техническому, организационному реформированию вооруженных сил страны, перевооружению и совершенствованию всей системы подготовки и социального обеспечения военнослужащих.

Важным при этом становится использование миротворческой роли России не только в Афганистане, но теперь и в Сирии, а также в урегулировании ближневосточного конфликта с учетом возрастающей роли Ирана на Большом Ближнем Востоке. Председатель КНР Ху Цзиньтао особо отметил, что отмечавшееся в 2009 г. 60-летие образования КНР совпало с традиционным для Китая шестидесятилетним «великим историческим циклом». На Ближнем Востоке он наложился на другой шестидесятилетний «длинный военный цикл», по истечении которого для ставившихся прежде целей должны искаться другие пути их достижения.

Худшим сценарием развития событий, будь то на БВВ или в Азиатско-Тихоокеанском регионе, стало бы обострение военно-политической обстановки, которое может стать одинаково опасным для всех сторон. Не всегда все, что плохо для России, хорошо для США или Японии. Появление, к примеру, на Северном Кавказе некоего «исламистского халифата» могло бы стать таким же неприятным «подарком» для США, как то было с Исламским Эмиратом в Афганистане при талибах.

Можно было бы напомнить и еще об одном незначительном обстоятельстве. Россия несколько поспешила признавать свое поражение в «стратегической контригре» с США на «расширенном» ныне Ближнем Востоке. Америка продолжает там скорее терять, чем укреплять свои позиции. Многие политологи, даже на Западе, приходят к заключению, что США в не меньшей, а, может быть, даже в большей степени, чем Россия, проиграли там войну за влияние.

Глобальный экономический кризис наложил, как выше уже отмечалось, на продолжающуюся «глобальную войну» с международным терроризмом. В этих условиях можно ожидать не только идеологического, но и силового раздела мира в традиционном противостоянии мусульманского Востока и христианского Запада. США ведь не собираются отказываться от идеологии монетарного фетишизма под долларовой девизом «С нами Бог», а мусульманские радикалы не будут отмежевываться от воинствующего исламизма. Вплотную над планетой Земля нависает угроза дезинтеграции и раскола. Во всяком случае курс на «деидеологизацию» внешней, и особенно оборонной, политики России придется, видимо, корректировать с оглядкой, взвешивая и просчитывая, к чему могут привести возможные просчеты при непродуманном, а нередко и рискованном «партнерстве» с НАТО. Так как внешняя политика России должна быть прагматичной, то есть взвешенной и просчитанной, то она должна оставлять и вырабатывать реальные противовесы глобализму.

При этом речь идет не столько о возвращении утраченной былой роли «советской сверхдержавы», сколько об утверждении России в статусе великой евразийской державы — такого сильного государства, которое сможет реагировать на любые угрозы и вызовы. России есть что защищать. Она способна быть не только связующим звеном в новой дихотомии Востока–Запада, но и носителем миротворческой миссии в многополярном мире.

«Русская Медитерра» перед глобализмом

Как некогда Россия «прирастала Сибирью», так после развала Советского Союза она стала прирастать расширившимся «Русским миром». В чем-то судьба России оказалась схожей с тем, что происходило и происходит на Святой земле после распада сначала Османской, а потом Британской империи. Возрождение и становление Русского мира тоже происходит после последовательного распада двух империй — царской и «советской». Роль определенного катализатора в этом процессе сыграло каноническое воссоединение Московской и Зарубежной Русских Православных Церквей. К тому же распад бывшей «братской семьи советских народов» не мешал появлению новых смешанных русскоязычных семей, в том числе и за рубежом. Но прежней

«матушки-Руси» уже не стало после того, как она потеряла Малую и Белую Русь. Зато возрождение Русского мира продолжилось через синтез культур, входящих в Российскую Федерацию более 300 ее народов и этносов.

Россия, осознав себя заново как часть Русского мира, способна не только противостоять глобализму, но и нести реальную мирозидательную миссию на всем мегаконтиненте Евро-Афро-Азии. На всем огромном пространстве бывшего Советского Союза немало представителей тюркских народов и евреев, которые приняли православие и причисляют себя тоже к Русскому миру.

По числу говорящих на русском языке новый Русский мир насчитывает ныне более 200 миллионов человек. Сама же Россия с конца 1980-х годов оказалась, однако, страной, страдающей от депопуляции преимущественно русских людей. Как ни странно, в зарубежных общинах Русского мира происходит обратная картина. На северо-западе Китая, например, за последние десятилетия число русских выросло почти в пять раз, составив более 30 тысяч человек. Количество русскоязычных в смешанных семьях в России, за счет приезжих из стран СНГ, все последнее время прирастает еще большими темпами.

В то же время российское ядро Русского мира — самая большая по численности в Европе русская нация после распада СССР не только уменьшилась по численности, но и стала наиболее разделенной. На постсоветском пространстве не менее 25 миллионов русских оказались людьми без родины. В странах Балтии их называют «людьми без гражданства», точнее, людьми, лишенными права называться их гражданами. Дело в ряде случаев идет об открытой дискриминации русских. Такая же участь может ожидать русских в Центральной Азии.

С ростом «утечки мозгов» из России и из всего постсоветского пространства, наряду с депопуляцией, происходит также их интеллектуальное обеднение. Выдвинутый Александром Солженицыным призыв к «сбережению наций» требует теперь дополнения. Сбережение нашего народа подразумевает не столько количественное, сколько качественное его сохранение и духовно-нравственное обогащение. Это становится еще более актуальным из-за безудержного роста алкоголизма и наркомании в стране.

В условиях глобализации Русский мир могут составлять люди не только знающие русский язык, но и приобщенные к ее многогранной, многонациональной культуре, великой культуре страны, где веками уживались народы, исповедующие христианство, ислам, буддизм и другие традиционные религии. Русский мир многим, однако, отличается от традиционных диаспорных наций — армянской, греческой, ливанской, палестинской, курдской и других. Он был порожден не столько внешними нашествиями, сколько внутренними катаклизмами в стране — революциями, гражданскими войнами,

массовыми репрессиями. В немалой степени здесь сыграла роль и духовно-нравственная «разруха в головах» наших соотечественников. Чаще и больше всего людей за пределы бывшей родины выталкивала своя же «страна родная».

К Русскому миру вправе теперь себя относить многие эмигранты и приобщенные к русской культуре члены смешанных семей, например русско-арабских. Наряду с 200 тысячами арабов, получивших высшее и специальное образование в СССР и России, многие члены их семей считают себя тоже «породненными» с Россией. Большое число подобных «русских» проживают в настоящее время и в Иране. Это уже третье поколение иранцев, которые в свое время по разным причинам эмигрировали сначала из Ирана в Россию, а затем снова вернулись на родину своих предков. Многие из них считают своей родиной русскую землю и разговаривают между собой по-русски. Тысячи таких семей имеются также на Западе, в Европе и Америке. Такой возрождающийся ныне новый Русский мир, хотя еще и не сплочен, способен сыграть роль надежной опоры для России в ее миссии противостояния агрессивному глобализму. На состоявшемся в начале декабря 2009 г. Третьем Всемирном Конгрессе российских соотечественников, проживающих за рубежом, отмечалось, что их число уже достигает почти 30 миллионов. Они имеют свои общины в более чем 80 странах мира, уже находятся лицом к лицу с глобализмом и, являясь частью общего духовного пространства Русского мира, составляют, по сути, будущий резерв как модернизации России, так и, хочется надеяться, антиглобалистского движения.

Неологизм Русская «Медитерра» по аналогии со Средиземноморьем («Mediterranean»), соединяющим три материка — Европу, Африку и Азию, появился в первый же год после развала Советского Союза. Именно тогда раскрылся подлинный смысл этого неологизма. То, что когда-то русский мыслитель и историк Иван Солоневич называл «историей преодоления географии», сменилось для России в последующие годы в преодолении ею не только политической и военно-стратегической географии, но и геополитической катастрофы.

Проблема обеспечения национальной безопасности России значительно осложнилась еще до объявления Вашингтоном «глобальной войны» террора-антитеррора. Русская Медитерра по своей территории заметно уменьшилась, перестав быть одной шестой частью земли. Почти вполнину сократилась и общая численность ее населения, а также уменьшилось число самих русских в границах нового государства Российского. Хотя по протяженности своих сухопутных границ Россия продолжает занимать первое место в мире, протяженность ее морских берегов на Балтийском, Черном и Каспийском морях заметно уменьшилась, как и общее число ее «морских ворот».

После значительного сокращения своих производственных мощностей и валового национального продукта Россия перестала быть одной из двух экономических и военно-технических «сверхдержав». Такие последствия «геополитической катастрофы» будут давать о себе знать не только на всех трех направлениях экономической, социальной и политической модернизации страны. Они могут сказаться и на путях к достижению триады приоритетных целей обеспечения безопасности человека, общества и самого Российского государства.

Россия, наряду с развитием партнерства на западном направлении, должна будет еще активнее расширять сотрудничество со странами ЕвразЭС (Евразийского Экономического Сообщества), ОДКБ, СНГ (Содружества Независимых Государств). Дополнение этого процесса происходит и во «всемерной кооперации» с новыми партнерами, а возможно, и будущими союзниками по ШОС и БРИКС (форум Бразилии, России, Индии, Китая, Южно-Африканской Республики). Все это не может не вносить свои коррективы в геополитические координаты триединой безопасности. Россия остается связующим звеном между всеми упомянутыми выше международными структурами. Возникающие порой трудности такого совмещения усугубляются к тому же глобалистскими планами НАТО.

В таких условиях модернизация экономики, политики и стратегии России в наибольшей степени должна исходить из интересов триединой безопасности — национальной, государственной и геополитической. Важно, чтобы эти интересы со своей стороны увязывались с важнейшими задачами модернизации, в частности: 1) преодолением экономического отставания; 2) избавлением от коррупции; 3) изживанием широко распространенного в обществе «патернализма» — когда человек и общество больше полагаются на государство, чем на себя.

В заключение отметим, что коль скоро заходит речь о востребованности некой новой «дорожной карты» на пути к справедливому мироустройству, нужно помнить, что Россия в одиночку не способна противостоять глобальным угрозам, таким, например, как терроризм. В мире до сих пор продолжается более 15 вооруженных конфликтов. В целом на нашей планете сохраняется к тому же не менее ста горячих точек. Из них — около 60 замороженных конфликтов или еще «тлеющих пожаров». В этих условиях важным становится определение особого места и роли России при возможном формировании в будущем «антиглобалистских сил». Роль в них России будет определяться статусом полноправного члена в ОДКБ и ШОС без нацеленности на их «переформатирование» в блок или военно-политический союз.